

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-3-284-297

Научная статья

Функционирование перекодированной лексики в русском медиапространстве

И.А. Меркулова¹ , Е.А. Проценко² ¹Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия²Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия igell@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена активным использованием иноязычной лексики в медиапространстве, что во многом способствует широкому распространению англицизмов и их проникновению в русский язык. Цель – выявить специфику употребления лексики иноязычного происхождения в современной российской прессе и особенности ее освоения русским языком. Новизна заключается как в проанализированном языковом материале, так и в исследовательском подходе, который позволяет сосредоточить внимание не на результатах заимствования, а на самом процессе проникновения лексики иноязычного происхождения, отмечая этапы ее освоения принимающим языком. Исследование проводилось на материале контекстов, представленных в газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка за период с 2000 г. Все выявленные случаи употребления перекодированной лексики подвергались комплексному анализу в плане графики, семантики, морфологии, синтаксиса и стилистики. Использовались методы сравнительно-сопоставительного, контекстуального и дистрибутивного анализа, а также статистические методы. Теоретическую значимость представляет предложенная концепция поэтапного освоения лексики иноязычного происхождения на разных языковых уровнях. В качестве объекта исследования выделяется группа слов иноязычного происхождения, перекодированных с иностранного языка, но еще не вошедших в систему русского языка. Практическая значимость заключается в выявлении особенностей ассимиляции анализируемой лексики в письменных текстах. Установлено, что лексика иноязычного происхождения еще до вхождения в систему принимающего языка приобретает некоторые свойственные ей морфологические признаки, может проявлять определенную словообразовательную активность и вступать в синтагматические связи, не характерные для языка-источника. Проведенное исследование можно считать перспективным для решения вопросов, связанных с проникновением лексики иноязычного происхождения и ее ассимиляцией в языке-приемнике.

Ключевые слова: русский язык, языковые контакты, иноязычная лексика, англицизмы, средства массовой информации, межкультурное перекодирование, ассимиляция

История статьи: поступила в редакцию 16.12.2021; принята к печати 03.03.2022.

Для цитирования: Меркулова И.А., Проценко Е.А. Функционирование перекодированной лексики в русском медиапространстве // Русистика. 2022. Т. 20. № 3. С. 284–297. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-284-297>

Введение

Каждый язык – это самостоятельная, определенным образом организованная семиотическая система, которая развивается, не только следуя внутренним закономерностям, но и благодаря воздействию внешних, экстралингвистических факторов. Любой язык не существует в изолированном пространстве, как «вещь в себе», а постоянно вступает во взаимодействие с другими языковыми системами. Другими словами, развитие конкретного языка, как и изменение отдельных его подсистем, предопределяется целым рядом факторов, среди которых не последнее место занимают языковые контакты.

Вопросы межязыкового взаимодействия изучаются лингвистами уже на протяжении нескольких столетий и, действительно, являются в этом плане «вечным вопросом» (Маринова, 2014). Основоположниками теории языковых контактов по праву считаются такие выдающиеся ученые, как Г. Шухардт, И.Г. Аскони, И.А. Бодуэн де Куртенэ и др. Значительный вклад в изучение проблемы языковых контактов, их особенностей и типологии в зарубежной лингвистике внесли У. Вайнрайх (Weinreich, 1979) и Э. Хауген (Haugen, 1950). Классик отечественной лингвистики Л.В. Щерба разграничил такие языковые явления, как заимствование и смешение языков (Щерба, 1974). В дальнейшем вопросами заимствования занимались такие видные отечественные ученые, как А.А. Леонтьев, Л.П. Крысин, Ю.С. Сорокин и др. В последние годы проблема использования иноязычной лексики продолжает изучаться не только в рамках теории языковых контактов и билингвизма (Baghana, Voloshina, 2019; Muysken, 2000 и др.), но и в других аспектах: лексико-семантическом (Володарская, 2002; Маринова, 2020 и т. д.), прагматическом (Китанина, 2005; Исаева, 2010; Bokhorst-Heng, Silver, 2017 и др.), стилистическом (Буряковская, 2016; Маринова, 2020; Проценко, 2017 и др.) и в плане перевода (Базылев, 2005 и др.).

На рубеже веков в связи с процессами глобализации и выдвиганием английского языка на роль языка мирового общения особую актуальность приобрели исследования, посвященные распространению англицизмов в разных языках мира, в том числе и в русском языке. Многие современные исследователи отмечают господствующее положение английского языка как характерную черту современной социолингвистической ситуации в мире (Phillipson, 1992; Smokotin et al., 2014 и др.). Несмотря на то что языковые контакты имеют, как правило, двустороннюю направленность, и в английском языке также обнаруживаются русские заимствования (Володарская, 2002), их количество значительно меньше. Тогда как избыточное употребление иноязычной лексики (а иногда даже злоупотребление ею) в разговорной речи и различных жанрах средств массовой информации дает основания исследователям говорить о «нашествии англо-американизмов» (Камалетдинова, 2002).

В современном мире средства массовой информации все чаще рассматриваются не только как основной канал передачи информации, но и как

средство распространения массовой идеологии, в том числе как средство формирования языкового сознания (Большева, 2006). В этой связи особую актуальность приобретают исследования современной прессы, которые позволяют объективно оценить существующее состояние проблемы и выявить возможные направления развития русского языка в дальнейшем.

В основе данного исследования лежит семиотический подход, что вполне согласуется с современными представлениями о языке. Если рассматривать язык как языковой код, то с этих позиций можно трактовать использование иноязычной лексики как одно из проявлений взаимодействия между разными языковыми кодами. Вслед за зарубежными исследователями (Auer, 1999; Myers-Scotton, 1992; Muysken, 2000 и др.), мы понимаем под переключением языковых кодов попеременное использование разных языков в рамках одного сообщения. Однако мы отличаем от него случаи межязыкового перекодирования, которое представляет собой процесс кодирования знаков одной языковой системы по правилам другой (Проценко, 2017). Такие слова, как *фуд*, *арт*, *бигэйр*, *лайфхаки* и т. п. образованы от иноязычных слов путем межязыкового перекодирования, путем «приведения в соответствие существующих независимых знаковых систем» (Реформатский, 1963) и представляют, по нашему мнению, промежуточный этап между собственно иноязычной и заимствованной лексикой. Более того, подобные слова не принадлежат ни к английскому, ни к русскому языку, являясь результатом межязыкового взаимодействия. Такой подход позволяет нам сосредоточить свое внимание именно на процессе перехода лексической единицы из одного языка в другой, пытаясь проследить те изменения, которые происходят в момент освоения иноязычного слова в речи перед тем, как оно войдет в русский язык, в чем и заключается новизна данного исследования.

Цель исследования – изучить специфику употребления перекодированной с иностранного языка лексики в современной российской прессе и выявить особенности ее освоения русским языком.

Методы и материалы

В ходе исследования применялись как общенаучные (синтез, анализ, индукция), так и собственно лингвистические методы, такие как сравнительно-сопоставительный анализ, методика компонентного анализа, контекстуальный и дистрибутивный анализы. Исследуемая лексика подвергалась комплексному качественно-количественному анализу, что предполагает также использование статистических методов.

Исследование проводилось на материале современной российской прессы с помощью поисковой системы Национального корпуса русского языка (газетный подкорпус). В качестве объекта исследования были выделены слова, перекодированные с иностранного языка, но не вошедшие в современный русский язык. В дальнейшем проводился комплексный анализ исследуемой лексики по разным параметрам, таким как графико-фонетический, морфологический, синтаксический, лексико-семантический и т. п.

Методологической базой исследования послужили труды ведущих российских (Крысин, 2002; Володарская, 2002) и зарубежных (Codeswitching as a worldwide phenomenon, 1990; Code-switching in conversation, 1999; Auer, 1999; Myers-Scotton, 1992 и др.) лингвистов по вопросам заимствованной и иноязычной лексики, а также разработанная одним из авторов концепция поэтапного освоения лексики иноязычного происхождения в русском языке (Проценко, 2017).

Результаты

1. С помощью поисковой системы Национального корпуса русского языка в современной российской прессе выявлено более 20 000 словоупотреблений лексических единиц, перекодированных, как минимум, с трех разных языков. На материале изданий, вышедших в свет с 2000 г., показано функционирование около 100 лексем, из которых большинство перекодированы с английского языка: *авалист, аватар, азилян, айпад, айфон, алерт, антиэйдж, арт, бигбэг, биг-эйр, блюрей, блютуз, гаджет, геймпад, гринрум, девелопмент, дедлайн, джус, дискаунтер, дреды, дресс-код, дрефт шоу, интертейнмент, кажсуальный, каунтинг, квилтинг, колл-центр, комьюнити, коучинг, краштест, кроссовер* и т. д.

2. В ходе исследования доказано, что в современной российской прессе сосуществуют как собственно иноязычная лексика, так и перекодированная на русский язык. Наиболее распространенным способом перекодирования означающего является транскрипция. В целом очевидно, что для начального этапа освоения перекодированной лексики характерны стремление к точному воспроизведению звукового облика иноязычного слова и вариативность его графико-фонетической репрезентации (например, *дивайс* и *девайс, эсканист* и *эскейпист*). Форма слова становится общепринятой только при окончательном закреплении в системе принимающего языка.

3. Доказано, что не только лексические заимствования, вошедшие в состав русского языка, но и лексика, перекодированная с иностранного языка, подвергается морфологическому освоению в речи, в том числе в письменных источниках. Под давлением русскоязычного окружения перекодированная единица подчиняется нормам русского языка, что проявляется в наличии как словоизменительных, так и словообразовательных морфем. Уже на начальном этапе лексика иноязычного происхождения приобретает в языке-приемнике базовые грамматические категории и морфологические признаки.

4. В целом прослеживается семантическая связь между перекодированной лексической единицей и соответствующим этимологом в языке-источнике. На материале современной российской прессы выявлены случаи конкретизации или расширения значения, употребления в переносном смысле, что свидетельствует о семантическом освоении слова.

5. С точки зрения стилистических особенностей определено, что перекодированная лексика воспринимается как элемент разговорного стиля речи или сленга. Примечательно, что анализируемая лексика встречается в но-

востных лентах чаще, чем в печатных изданиях. «Нарочитый акцент» англицизма, пусть даже имплицитно, присутствует в большинстве контекстов.

6. Результаты исследования вносят вклад в решение вопросов, связанных с проникновением лексики иноязычного происхождения и ее ассимиляцией в языке-приемнике.

Обсуждение

В первую очередь стоит отметить характерную для русского языка тенденцию к употреблению лексики иноязычного происхождения в графике языка-источника. В отличие от западноевропейской прессы, где не встречаются слова на кириллице, а русизмы всегда перекодируются на язык-приемник, в современной российской прессе иноязычные вкрапления отнюдь не редкость. В прессе последних лет были выявлены и случаи переключения языковых кодов, в результате чего используются собственно иноязычные вкрапления, то есть лексические единицы из английского или французского языка, например: «"Притяжение" студий *Art Pictures Studio*, „Водород“ и телеканала „Россия 1“ также становится первым рублевым миллиардером среди релизов 2017 г. и седьмым российским фильмом за всю историю кинопроката России и СНГ», – приводит «РИА Новости» выдержку из пресс-релиза¹. «Французский модный дом *Chanel* представил видео, посвященное выходу коллекции *Metiers d'Art Paris Cosmopolite*»². Однако мы сосредоточим свое внимание на лексике иноязычного происхождения, которая используется в российской прессе в перекодированном виде.

Основным способом *графической репрезентации*, причем независимо от языка-источника, является перекодирование означаемого путем транскрипции иноязычного слова, например: *блюрей* от англ. blue-ray, *гринпис* от англ. green pease, *дивайс* от англ. device, *истеблишмент* от англ. establishment, *энтертейнмент* от англ. entertainment, *лавстори* от англ. love story, *месседж* от англ. message, *никнейм* от англ. nickname, *пентхаус* от англ. penthouse, *ресепшин* от англ. reception и т. д. При этом отмечается тенденция к точному воспроизведению фонетического облика слова. Так, например, открытый гласный [æ] в английском языке передается как [э] (*бэнд* от англ. band, *кэш* от англ. cash, *фэшн* от англ. fashion, *флэт* от англ. flat), хотя в русском языке он используется реже.

Однако выявлены и случаи транслитерации, такие как *аккаунт* от англ. account, *алерт* от англ. alert, *валидатор* от англ. validator, *гаджет* от англ. gadget, *таргет* от англ. target, *экзитпол* от англ. exit poll и др. В частности, о транслитерации как способе перекодирования означаемого с итальянского языка свидетельствует следующий пример: «Итальянец Кунеллис – один из создателей и главных представителей *арте повера* („бедное искус-

¹ Коммерсант. 2017, 21 февраля.

² Lenta.ru. 2017, 30 мая.

ство“) – художественного течения, возникшего в Италии во второй половине 1960-х»³.

Среди *морфологических особенностей* необходимо отметить наличие как словоизменительных, так и словообразовательных аффиксов у анализируемых слов. Перекодированная лексика представлена практически исключительно знаменательными частями речи, среди которых преобладают имена существительные. Они приобретают категорию рода, изменяются по числам и падежам согласно нормам русского языка. В доказательство приведем несколько примеров:

«Они без малейшего труда управляют с *айфонами, айпадами*, знают нюансы *андроида* и всевозможных приставок и примочек»⁴.

«Замысел Василия Евгеньевича таков: превратить чтение обычной электронной книги в вид искусства, который сам он называет *артхаусом*»⁵.

«Для сравнения: в Москве бесконтактными *ридерами* оборудованы лишь несколько станций метро»⁶.

Так, лексема *арт*, в отличие от русского слова «искусство», употребляется как существительное мужского рода («современный арт») и изменяется не только по падежам, но и по числам (ср.: англ. arts), о чем свидетельствуют приводимые ниже примеры:

«Все это меня вдохновляло – *арты*, фотографии, фильмы, люди, музыка»⁷.

«Компания Bethesda предоставила „Ленте.ру“ эксклюзивный доступ к 12 концепт-*артам* персонажей новой игры Dishonored 2»⁸.

Стоит отметить, что перекодированная лексика используется не только изолированно, но и в составе словосочетаний или сложных слов, перекодированных с английского языка, например: *гринрум* от англ. green room, *бигсити* от англ. big city, *артхаус* от англ. art house, *бигборд* от англ. big board, *лавстори* от англ. love story, *стритрейсер* от англ. street racer и т. п. Как видно из приведенных примеров, наиболее распространенным способом словообразования является словосложение.

Наибольшую словообразовательную активность из всех анализируемых лексических единиц проявляет лексема *арт*. В ходе исследования было выявлено около 130 сложных слов, из которых в более ста случаях «арт» используется в препозиции, например: *арт-музей, арт-аллея, арт-активист, арт-атака, арт-аттракцион, арт-бизнес, арт-биеннале, арт-бутик, арт-вечеринка, арт-витрина* и т. п. Приведенные примеры показывают, что лексема *арт* сочетается со словами разной этимологии, как входящими в состав современного русского языка, так и иноязычного происхождения, причем

³ Lenta.ru. 2017, 29 декабря.

⁴ Комсомольская правда. 2012, 10 апреля.

⁵ Новая газета. 2016, 11 июля.

⁶ РБК. 2016, 20 мая.

⁷ Lenta.ru. 2018, 18 января.

⁸ Lenta.ru. 2016, 26 сентября.

пришедшими из разных языков-источников: *арт-бутик* (франц. *Boutique*), *арт-биеннале* (итал. *Biennale*), *арт-бизнес* (англ. *Business*) и т.д.

На следующей ступени деривации от перекодированных существительных образуются производные прилагательные с помощью словообразовательных аффиксов русского языка, например: *артхаусный* от англ. *art house*, *байкерский* от англ. *biker*, *фейковый* от англ. *fake*, *кажудальный* от англ. *casual* и др.

В плане *синтаксиса* отметим особенности сочетаемости, которые были выявлены в ходе дистрибутивного анализа. В частности, перекодированная лексика может сочетаться с другими собственно иноязычными или перекодированными лексическими единицами, например при перечислении:

«Каждый проект на перепутье нескольких направлений: *перформанс*, *арт*, *дизайн*»⁹.

«На территории завода Плутон открыта Выставка Нового от арт-группы *Proou*, где вас ждут *медиаинсталляция*, *саунд-арт*, *видео-арт*, кинетические скульптуры и аудио визуальные *перформансы*»¹⁰.

«В моем случае это работа с камерой и фотографиями на различные темы. Чаще всего это тематическая *арт-эротика*. Например, *фетиши*, *косплей*, *стимпанк* или *киберпанк* – сейчас этот стиль импонирует мне больше всего»¹¹.

Главным образом перекодированные единицы вступают в синтагматические связи с русскими словами, в результате чего образуются субстантивные или глагольные словосочетания, например: *двухуровневый пентхаус*, *сетевой аватар*, *международный ресайкл-арт фестиваль*, *фейковый аккаунт*, *одаренный артхаусный режиссер*, *неожиданных беби* или *зайти на аккаунт*, *остались арты*, *подарил айпад*, *любит армреслинг*, *положили в беби-бокс* и т. д. Другими словами, чаще всего перекодированные единицы употребляются в составе атрибутивных словосочетаний.

В ходе исследования мы провели также сопоставительный анализ выявленных сложных слов и словосочетаний с их возможными эквивалентами в английском языке. Выяснилось, что почти треть словосочетаний встречается в современной российской прессе, как в перекодированном виде, так и в виде иноязычных вкраплений. Сравните, например:

«Для меня серия *BMW Art Car* – поле для соревнования с художниками, которые участвовали в коллекции до меня»¹².

«*Арт-кар BMW* от культового американского художника Джона Балдессари принял участие в гонках на выносливость „24 часа Дайтоны“»¹³.

С другой стороны, анализ сочетаемости перекодированной лексики показал, что далеко не все выявленные сочетания характерны для англий-

⁹ Известия. 2013, 29 августа.

¹⁰ Новая газета. 2018, 18 мая.

¹¹ Lenta.ru. 2018, 18 января.

¹² Lenta.ru. 2017, 31 января.

¹³ Lenta.ru. 2017, 31 января.

ского языка. На этом основании можно сделать вывод о том, что в русском языке перекодированная лексическая единица приобретает новые, не характерные для языка-источника синтагматические связи. Очевидно, например, что такие сложные слова, как *арт-завод*, *арт-нарушители*, *арт-подвал*, *арт-смотр*, *арт-тусовка* или *ЖЭК-арт* отнюдь не заимствованы, а образованы на русской почве от иноязычного слова. Другими словами, есть основания говорить и о синтаксическом освоении перекодированной лексики.

В плане **семантики** проводился сравнительно-сопоставительный анализ значений перекодированной лексики со значениями иноязычных слов в языке-источнике по данным толкового словаря английского языка¹⁴. Как уже отмечалось, перекодированная лексика на данный момент практически не зарегистрирована в словарях русского языка, в том числе и в словарях иностранных слов. В этой связи для выяснения значения перекодированных единиц использовались методика компонентного и контекстуального анализа.

В целом можно сказать, что перекодированная лексика употребляется в современной российской прессе в соответствии со значениями, свойственными языку-источнику. При этом в некоторых контекстах обращают на себя внимание случаи расширения или сужения значения. В частности, в качестве иллюстрации конкретизации значения перекодированной лексики можно привести следующий контекст, где лексема «арт» обозначает не искусство как обобщенное понятие или его жанр, а достаточно разнородные конкретные объекты, созданные представителями альтернативной культуры: «В 2015 г., работая веб-дизайнером и пробуя свои силы в компьютерной графике, я увлеклась работами людей из сферы альтернативной культуры и ее направлениями: готикой, фетиш- и латекс-модой. Все это меня очень вдохновляло – *арты*, фотографии, фильмы, люди, музыка»¹⁵.

Современные исследователи уже отмечали изменение семантики лексики иноязычного происхождения. В частности, Е.В. Маринова (Маринова, 2020) указывает на то, что широкое распространение в современных медийных текстах таких (перекодированных в нашем понимании) слов, как *фейк* и *фейковый* приводит к расширению их значения и одновременно их политизации. Мы можем привести и другие примеры расширения значения. Так, *блогер* в приводимом ниже контексте обозначает не человека, который ведет свой блог, а скорее пользователя интернета и социальных сетей: «Для них придумали программу „Бабушка-блогер“: учим пользоваться „Твиттером“, „Инстаграмом“¹⁶, оплачивать счета за ЖКХ онлайн»¹⁷. Более того, в нижеприведенном контексте *блогосфера* обозначает отнюдь не персональные сайты блогеров или интернет-пространство, а средства массовой информации:

¹⁴ Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL : <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения : 10.10.2021).

¹⁵ Lenta.ru. 2017, 8 ноября.

¹⁶ Соцсеть Instagram запрещена на территории Российской Федерации.

¹⁷ РБК Дейли. 2013, 18 октября.

«Скорее всего, он даже рассудит, что дело нечисто – недаром про него в газетах (*блогосфере*) пишут, но поднятия ярости масс очередная вскрытая надежная схема вряд ли произведет»¹⁸.

В плане *стилистики* изучались особенности употребления перекодированной лексики в современной российской прессе. Прежде всего отметим, что в ряде случаев лексика иноязычного происхождения используется в номинативной функции в составе наименований предприятий, студий, фестивалей и т. п., причем как зарубежных, так и российских:

«Основанная в 1959 году „Мансудэ *Art* Студия“ (*Mansudae Art Studio*), в основу названия которой легло наименование столичного района, где она расположена, сейчас – одно из самых крупных объединений профессиональных художников в мире»¹⁹.

«Мама Жени сама обратилась за помощью к волонтерам, – рассказала „Комсомолке“ пресс-секретарь поискового отряда „Лиза *Alert*“ Ирина Воробьева»²⁰.

Достаточно часто анализируемые лексические единицы употребляются в ближайшем окружении других перекодированных или собственно иноязычных слов, создавая своего рода конгломераты лексики иноязычного происхождения:

«Во втором номере – он называется *Forgotten* («забытая комната») – проходит *перформанс стрит-арт*-коллектива из Неаполя»²¹.

«Этот милый выпад лег в основу мегапопулярного ролика на YouTube (его автор – *блогер под ником Enjoykin* – собрал самые известные фразы прокурора и удачно наложил на музыку)»²².

С точки зрения стилистической дифференциации необходимо отметить, что использование перекодированной лексики создает эффект сниженного стиля. В частности, в ряде случаев подчеркивается, что «арт» – это не искусство, которое обладает несомненной художественной ценностью, а конкретные объекты, иногда сомнительного качества:

«Многочисленные фотографии животного, который не отходит от своей подружки, стали мотивом множества созданных пользователями *артов*»²³.

«В хранилище попали фото странных *артов*, которые люди выдают за современное искусство, сувениров ручной работы, картин непрофессионалов, а также „шедевры“ мейкапа и маникюра, когда-либо увиденные ими на просторах интернета»²⁴.

В некоторых контекстах эксплицитно или имплицитно подчеркивается, что данная лексика принадлежит разговорному варианту языка или сленгу:

¹⁸ Известия. 2013, 6 марта.

¹⁹ Lenta.ru. 2017, 18 ноября.

²⁰ Комсомольская правда. 2013, 2 марта.

²¹ Lenta.ru. 2017, 8 ноября.

²² Комсомольская правда. 2014, 21 июля.

²³ Lenta.ru. 2017, 13 октября.

²⁴ Lenta.ru. 2017, 24 августа.

«Фэндомом называются и совокупность фанатов, и совокупность фанфиков и прочего фанатского творчества, например рисунков (их в подростковой среде чаще называют „артами“)²⁵.

«Не слишком внятные соло органа чередовались со звучанием детского хора, который, как и год назад, по несколько раз распевал название предстоящей номинации, иногда с нарочитым акцентом в англицизмах („кон-тем-по-ра-ри арт“)²⁶.

Заключение

Гипотезу о том, что перекодированная лексика является результатом межъязыковых взаимодействий, занимая как бы промежуточное положение между языком-источником и языком-приемником, можно считать подтвержденной.

Перекодированная с иностранного языка лексика подвергается ассимиляции, причем такое освоение происходит не одномоментно, а постепенно. Есть основания полагать, что такое освоение происходит в определенной последовательности.

Показателем первого этапа освоения иноязычных слов можно считать перекодирование означаемого, даже в случае существования вариативности написания или произнесения. На следующем этапе происходит морфологическое освоение перекодированной лексики, когда слово осознается как определенная часть речи и приобретает конкретные грамматические категории. При этом признаком высокой степени освоения можно считать словообразовательную активность перекодированной единицы. Для перекодированной лексики в целом характерна семантическая общность с языком-источником, в связи с чем данный критерий можно считать более надежным при определении факта вхождения иноязычного слова в язык-приемник. Под стилистическим освоением можно понимать соотношенность лексической единицы с каким-либо стилем речи или ее преимущественное употребление в текстах с определенными жанрово-стилистическими особенностями.

Предложенный подход представляется нам достаточно перспективным, так как позволяет проследить процесс освоения современной иноязычной лексики в медиапространстве, а ясное понимание того, каким преобразованиям и на каком этапе она подвергается, поможет решить целый ряд вопросов, до сих пор остающихся дискуссионными в современной лингвистике.

Список литературы

- Базылев В.Н. Обусловленность переводческих трансформаций // Вестник ВГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 1. С. 75–79.
- Большева Н.Н. Развитие языка в условиях глобализации (социально-философский аспект) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2006. 22 с.

²⁵ Новая газета. 2017, 20 марта.

²⁶ Известия. 2013, 10 апреля.

- Буряковская В.А.* Иноязычная лексика как стилистическая черта массмедиа // *Стилистика сегодня и завтра : материалы IV Международной конференции*. М. : Факультет журналистики МГУ, 2016. С. 105–108.
- Володарская Э.Ф.* Заимствование как отражение русско-английских контактов // *Вопросы языкознания*. 2002. № 4. С. 96–118.
- Исаева М.Г.* Кодовые переключения в письменных текстах СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2010. 24 с.
- Камалетдинова А.Б.* Иноязычная лексика в современных средствах массовой коммуникации : 1996–2001 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2002. 24 с.
- Китанина Э.В.* Прагматика иноязычного слова в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 40 с.
- Крысин Л.П.* Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // *Вопросы языкознания*. 2002. № 6. С. 27–36.
- Маринова Е.В.* «Вечный вопрос» о заимствованиях // *Русская речь*. 2014. № 2. С. 59–65.
- Маринова Е.В.* Модные слова в русскоязычных СМК в эпоху постправды (особенности развития семантики) // *Языковая политика и лингвистическая безопасность : материалы IV Международного научно-образовательного форума*. Н. Новгород : НГЛУ, 2020. С. 197–202.
- Проценко Е.А.* Межъязыковое перекодирование : функционально-семантический и стилистический аспекты // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2 : Языкознание. 2017. Т. 16. № 4. С. 158–166.
- Реформатский А.А.* О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // *Исследование по структурной типологии*. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 208–215.
- Щерба Л.В.* О понятии смешения языков // *Языковая система и речевая деятельность*. Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1974. С. 60–74.
- Auer P.* From codeswitching via language mixing to fused lects : toward a dynamic typology of bilingual speech // *International Journal of Bilingualism*. 1999. No. 3. Pp. 309–332.
- Baghana J., Voloshina T.* Theoretical problems of borrowing and interference under the conditions of language contact // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*. Серия : Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 6. С. 56–60. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2019.6.56>
- Bokhorst-Heng W., Silver R.E.* Reconsidering language shift within Singapore's Chinese community : a Bourdieusian analysis // *International Journal of the Sociology of Language*. 2017. No. 248. Pp. 73–95. <https://doi.org/10.1515/ijsl-2017-0037>
- Codeswitching as a worldwide phenomenon / ed. by R. Jakobson*. New York : P. Lang, 1990. 287 p.
- Code-switching in conversation : language, interaction and identity / ed. by P. Auer*. London : Routledge, 1999. 355 p.
- Haugen E.* Language contact // *Proceedings of the Eighth International Congress of Linguistics / ed. by E. Sivertsen*. Oslo : University Press, 1958. Pp. 772–785.
- Haugen E.* The analysis of linguistic borrowing // *Language*. 1950. Vol. 26. No. 2. Pp. 210–331.
- Muysken P.* Bilingual speech : a typology of code-mixing. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. 306 p.
- Myers-Scotton C.* Comparing codeswitching and borrowing // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 1992. No. 13(1–2). Pp. 19–39.

Phillipson R. Linguistic imperialism. Oxford : Oxford University Press, 1992. 374 p.

Smokotin V.M., Alekseyenko A.S., Petrova G.I. The phenomenon of linguistic globalization : English as the global lingua franca // Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 154. Pp. 509–513.

Weinreich U. Languages in contact. New York : Mouton Publishers, 1979.

Сведения об авторах:

Меркулова Инна Александровна, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Воронежский государственный университет, Россия, 394018, Воронеж, Университетская пл., д. 1. *Сфера научных интересов*: морфология, лексикология, славистика. Автор более 100 научных публикаций. ORCID: 0000-0003-1364-5812. E-mail: igell@yandex.ru

Проценко Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Воронежский институт МВД России, Россия, 394065, Воронеж, пр-кт Патриотов, д. 53. *Сфера научных интересов*: языковые контакты, лексикология, неология, язык СМИ. Автор более 160 научных публикаций. ORCID: 0000-0001-6131-5055. E-mail: procatherine@mail.ru

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-3-284-297

Research article

Recoded words in Russian media space

Inna A. Merkulova¹, Ekaterina A. Protsenko²

¹Voronezh State University, Voronezh, Russia

²Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Voronezh, Russia

 igell@yandex.ru

Abstract. The relevance of the study is determined by the active use of foreign words in the media space, this fact contributes to widespread occurrence of anglicisms and their penetration into the Russian language. The research aims to define peculiarities of using foreign words in modern Russian newspapers and specific features of their assimilation in the Russian language. The novelty is characterized both by the analyzed language material and the research approach which focuses attention not on the result but mainly on the process of borrowing foreign words, defines stages of their assimilation in the receiving language. The research is carried out on the basis of newspaper subcorpus of the National Corpus of the Russian Language since 2000. All the examples of recoded lexical items were analyzed according to their graphics, semantics, morphology, syntax and stylistics. The methods of comparative, contextual and distributive analysis as well as statistic methods were used during the research. The proposed theory of step-by-step acquisition of foreign words at different language levels has theoretical relevance. A particular group of foreign words recoded from foreign languages but not yet adopted by the Russian language system has been examined. The practical relevance consists in revealing some peculiarities of recoded words assimilation in written texts. The author shows that foreign words receive some morphological features, display particular word-building activity and have syntagmatic associations typical for the host language just

before they enter the receiving language system. The research may be useful for further studies and finding solutions to the problems of the penetration of lexical items with foreign origin and their assimilation in the receiving language.

Keywords: Russian language, language contacts, foreign words, anglicisms, mass media, cross-language recoding, assimilation

Article history: received 16.12.2021; accepted 03.03.2022.

For citation: Merkulova, I.A., & Protsenko, E.A. (2022). Recoded words in Russian media space. *Russian Language Studies*, 20(3), 284–297. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-284-297>

References

- Auer, P. (1999). From codeswitching via language mixing to fused lects: Toward a dynamic typology of bilingual speech. *International Journal of Bilingualism*, (3), 309–332.
- Auer, P. (Ed.). (1999). *Code-switching in conversation: Language, interaction and identity*. London: Routledge.
- Baghana, J., & Voloshina, T. (2019). Theoretical problems of borrowing and interference under the conditions of language contact. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*, (6), 56–60. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2019.6.56>
- Bazylev, V.N. (2005). Dependence of translation transformations. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, (1), 75–79. (In Russ.)
- Bokhorst-Heng, W., & Silver, R.E. (2017). Reconsidering language shift within Singapore's Chinese community: A Bourdieusian analysis. *International Journal of the Sociology of Language*, (248), 73–95. <https://doi.org/10.1515/ijsl-2017-0037>
- Bolyusheva, N.N. (2006). *Language development in the conditions of globalization (social and philosophy aspects)*. [Author's abstr. cand. philol. diss.]. Krasnoyarsk. (In Russ.)
- Burjakovskaya, V.A. (2016). Foreign words as a stylistic feature of mass media. *Stylistics Today and Tomorrow: Proceedings of IV International Conference* (pp. 105–108). Moscow: Fakul'tet zhurnalistiki MGU Publ. (In Russ.)
- Cherba, L.V. (1974). On the concept of language mixing. *Language System and Language Behavior* (pp. 60–74). Leningrad: Nauka. Leningradskoe otделение Publ. (In Russ.)
- Haugen, E. (1958). Language contact. In E. Sivertsen (Ed.), *Proceedings of the Eighth International Congress of Linguistics* (pp. 772–785). Oslo: University Press.
- Haugen, E. (1950). The analysis of linguistic borrowing. *Language*, 26(2), 210–331.
- Isaeva, M.G. (2010). *Code-switching in written texts of mass media*. [Author's abstr. cand. filol. diss.]. Cherepovets. (In Russ.)
- Jacobson, R. (Ed.). (1990). *Codeswitching as a worldwide phenomenon*. New York: P. Lang.
- Kamaletdinova, A.B. (2002). *Foreign words in modern mass media communication: 1996–2001*. [Author's abstr. cand. filol. diss.]. Ufa. (In Russ.)
- Kitanina, E.V. (2005). *Pragmatics of a foreign word in the Russian language*. [Author's abstr. cand. filol. diss.]. Krasnodar. (In Russ.)
- Krysin, L.P. (2002). Lexical borrowing and loan translation in Russian language during last decades. *Voprosy Yazykoznanija*, (6), 27–36. (In Russ.)

- Marinova, E.V. (2014). “Eternal question” of borrowings. *Russian Speech*, (2), 59–65. (In Russ.)
- Marinova, E.V. (2020). Trend words in the Russian mass media in the ear of postpravda (peculiarities of semantic development). *Language Politics and Linguistic Security: Proceedings of IV International Scientific-Educational Forum* (pp. 197–202). Nizhny Novgorod: NSLU Publ. (In Russ.)
- Muysken, P. (2000). *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Myers-Scotton, C. (1992). Comparing codeswitching and borrowing. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, (13(1–2)), 19–39.
- Phillipson, R. (1992). *Linguistic imperialism*. Oxford: Oxford University Press.
- Protsenko, E.A. (2017). Cross-language code conversion: functionally semantic and stylistic aspects. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 16(4), 158–166. (In Russ.)
- Reformatskij, A.A. (1963). About recoding and transformation of communicative systems. *Research on Structural Typology* (pp. 208–215). Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ. (In Russ.)
- Smokotin, V.M., Alekseyenko, A.S., & Petrova, G.I. (2014). The phenomenon of linguistic globalization: English as the global lingua franca. *Social and Behavioral Sciences*, 154, 509–513.
- Volodarskay, E.F. (2002). Borrowing as a reflection of Russian-English contacts. *Voprosy Yazykoznaniiya*, (4), 96–118. (In Russ.)
- Weinreich, U. (1979). *Languages in contact*. New York: Mouton Publishers.

Bio notes:

Inna A. Merkulova, Doctor of Philology, Associate Professor of the Theoretical and Applied Linguistics Department, Voronezh State University, 1 Universitetskaya Ploshchad, Voronezh, 394018, Russia. *Research interests*: morphology, lexicology, slavistics. The author of more than 100 scientific publications. ORCID: 0000-0003-1364-5812. E-mail: igell@yandex.ru

Ekaterina A. Protsenko, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian and Foreign Languages Department, Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 53 Prospekt Patriotov, Voronezh, 394065, Russia. *Research interests*: language contacts, lexicology, neology, the language of mass media. The author of more than 160 scientific publications. ORCID: 0000-0001-6131-5055. E-mail: procatherine@mail.ru